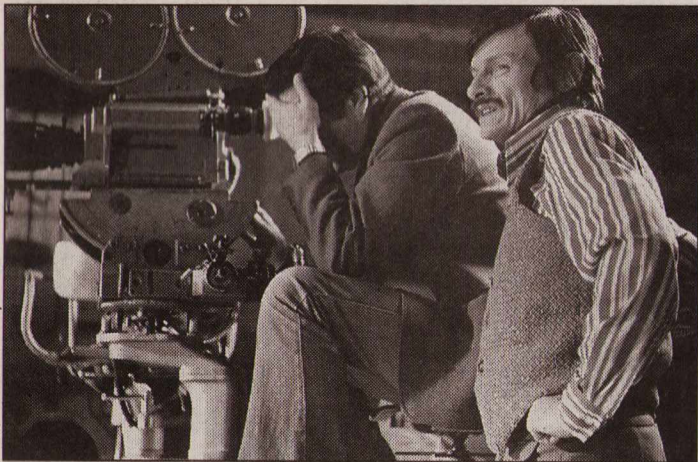
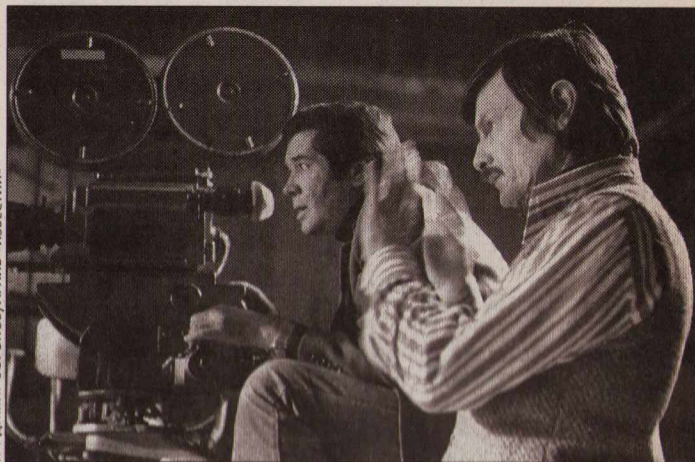
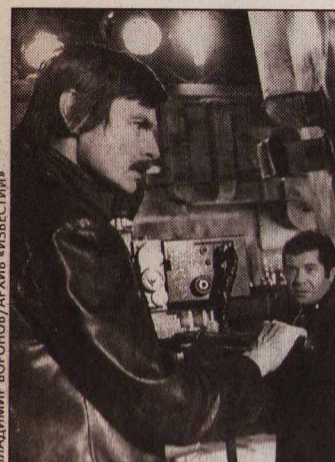

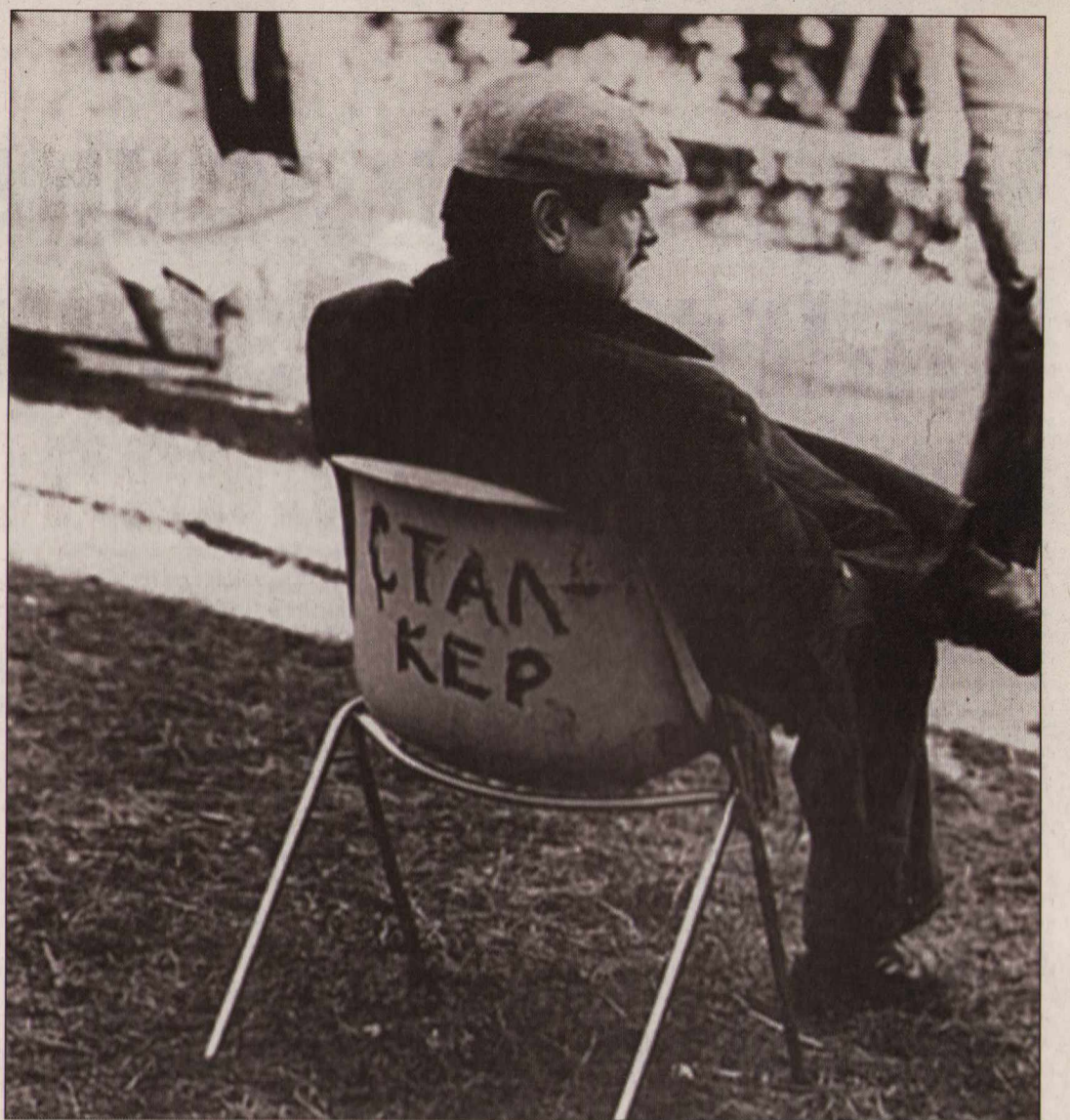
«Мосфильм». Ноябрь — декабрь 1978 года. На съемках фильма «Сталкер». Кинорежиссер Андрей Тарковский и кинооператор Александр Княжинский

«Мосфильм». Ноябрь — декабрь 1978 года. На съемках фильма «Сталкер». Кинорежиссер Андрей Тарковский и кинооператор Александр Княжинский

«Мосфильм». Ноябрь — декабрь 1978 года. На съемках фильма «Сталкер». Кинорежиссер Андрей Тарковский и кинооператор Александр Княжинский

«Когда я не смогу ничего возразить, я стану угодным «власть имущим»»

Корреспондент «Известий» был первым, кто увидел подлинник завещания Андрея Тарковского

Он уехал из Советского Союза в Италию, чтобы работать над новым фильмом — без мысли остаться на Западе. В 1984 году «Ностальгия» была показана на Каннском фестивале. В том, что картина не получила «Золотую пальмовую ветвь», Тарковский обвинил советское идеологическое руководство, в частности — Госкино: «Я был настолько оскорблен, удивлен, потому что я делал картину о человеке, который не мог жить без своей родины, который тосковал, находясь вне ее. Несмотря на это, Госкино попыталось сделать все, чтобы скомпрометировать меня здесь в глазах западных кинематографистов, публики и прессы. Тогда я понял, что, когда я приеду в Советский Союз, меня не только не похвалят за мою картину, но и навсегда оставят без работы». Режиссер, каждый из семи фильмов которого — «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия», «Жествоприношение» — не просто шедевр кинематографии, но и века в духовной истории России, стал эмигрантом.

Автор этого очерка Михаил ИЛЬИНСКИЙ, многие годы работавший собственным корреспондентом «Известий» в Италии, — свидетель жизненной драмы Андрея Тарковского и его семьи. В день 82-летия великого режиссера он вспоминает...

Михаил ИЛЬИНСКИЙ

Возвращение долга

Я был одним из тех немногих российских граждан, кто жил в Италии в 80–90-х годах и знал Тарковских. Писать о Тарковском при Тарковском я не мог. Это не была гражданская трусость — не чувствовал на то морального права. Теперь понимаю, что был обязан, насколько позволяли мои маленькие силы, защитить его. Вино себя — не делал.

После смерти Андрея все изменилось в семье Тарковских. Лариса — жена, друг и сподвижник Андрея — оставалась бойцом. Но что она могла — в чужой стране, без средств к существованию?.. Лариса Тарковская не удалось выполнить то, что она обещала супругу, — содержать Фонд Тарковского в Западной Европе, в день рождения и в годовщину смерти Андрея проводить ретроспективный показ его фильмов, по старости создать Институт искусств. В России посмертно славили имя великого кинорежиссера. Его вдова вызвала о помощи, но в ответ — молчание.

Последняя точка — закрытие мемориального кабинета во Флоренции, на улице Св. Николая, 91, где даже стены были отделаны самим Тарковским. Здесь он хранил свой архив. Теперь кабинет, как и вся квартира режиссера, в распоряжении архитектурного факультета Флорентийского университета.

Общество друзей русской культуры, старейший поэт, классик итальянской литературы Марио Луци призывали мэра Флоренции Леонардо Доминичи отменить «попущение и явно необоснованное решение», спасти мемориальный кабинет Тарковского. Но ответа из Старого Дворца нет, и видимо, уже не будет. У муниципалитета своя логика: кто будет платить за содержание музея, где каждый квадратный метр (а их 21) стоит больше тысячи евро? Причитающихся сыну Тарковского Андрею гонораров за предисловие к комментированному изданию дневников отца не хватает для оплаты даже междугородных телефонных разговоров.

Все это происходит при полной индифферентности российской кинематографической и культурной общности, на словах столь трепетно почитающей талант гения российского и мирового киноискусства и столь беспамятной и равнодушной на деле.

Завещание Тарковского

В 80–90-е годы я был рядом с Ларисой. Мы проводили вместе долгие вечера. У Ларисы и Андрея-младшего не всегда были деньги, чтобы оплатить расходы за свет, хотя бы за одну электрическую лампочку, и порой мы сидели за столом при свете церковной свечи, полученной в ближайшем храме Святого Николая. Мама Ларисы вязала кружева, Оля (дочь Ларисы) ей помогала. Друзья-итальянцы продавали их искусные изделия, а на вырученные деньги Тарковские сводили концы с концами. Из России не поступало ни гроша — ни пенсии, ни проценты от проката фильмов Тарковского. В Москве не признавали его реальную семью, в которой он прожил последние два десятилетия, вырастил сына.

...Это было в 1992-м, в марте-апреле. Во Флоренции шла подготовка к 60-летию Андрея. Готовилась большая конференция с участием российских и итальянских деятелей культуры, артистов, режиссеров, сценаристов.

— Ты знаешь, я могу показать на конференции нечто, что вызовет фурор, — вдруг сказала Лариса Павловна.

— Есть что-то новое, неизвестное из его архива? — Новое и самое горькое. Я никому никогда пока не показывала подлинник завещания, которое Андрей написал за полтора месяца до смерти. Он держал его в кожаном бумажнике и отдал мне всего за неделю до кончины. Он словно знал все...

Лариса вытащила из папки с синими тесемками страничку, испещренную знакомым почерком... Я переписал все завещание Тарковского дословно:

«В последнее время, очевидно в связи со слухами о моей скорой смерти, в Союзе начали широко показывать мои фильмы. Как видно, уже готовится моя посмертная канонизация. Когда я не смогу ничего возразить, я стану угодным «власть имущим», тем, кто в течение 17 лет не давал мне работать, тем, кто вынул меня из жизни на Западе, чтобы наконец осуществить мои творческие планы, тем, кто на пять лет насильственно разлучил нас с нашим 10-летним сыном.

Зная нравы некоторых членов моей семьи (увя, родство не выбирает!), я хочу огрaдить этим письмом мою жену Лару, моего постоянного верного друга и помощника, чьи благородство и любовь проявляются теперь как никогда (она сейчас моя бесценная сиделка, мой единственная опора), от любых будущих нападок.

Когда я умру, я прошу ее похоронить меня в Париже, на русском кладбище. Ни живым, ни мертвым я не хочу возвращаться в страну, которая причинила мне и моим близким столько боли, страданий, унижений. Я — русский человек, но советским себя не считаю. Надеюсь, что моя жена и сын не нарушат моей воли, несмотря на все трудности, которые ожидают их в связи с моим решением. Андрей Тарковский.

Париж, 5 ноября 1986 г.

— Он думал обо всем, — Лариса положила документ в папку.

Она не показала его на конференции.

— А где его знаменитое кольцо? Об этом не сообщалось нигде.

— Под Рождество 1986 года Андрей снял кольцо и отдал мне: «Поступи как знаешь. Но только не продавай, даже если будет очень трудно. Это реликвия. Она и самому слабому придаст силы...» Я передала кольцо Сене, старшему сыну Андрея от первого брака. Пусть Сень хранит реликвию и набирается сил. Отец был бы, наверное, доволен таким решением. Хотя это кольцо не помешало бы и нашему Андрею. Но не будем сожалеть о сделанном... Русский фатализм...

Памятник на Сент-Женевьев-де-Буа

— Сколько я выслушала упреков! Родственники обвинили меня в том, что долго не было памятника Андрею, что положила-де я мужа на Сент-Женевьев-де-Буа не в «новое место»... Обещания Эрнста Неизвестного сделать памятник и подарить его в память о Тарковском остались обещаниями... Но зачем ворошить старые обиды? Я не могла заплатить скульпторам столько, сколько они запрашивали. Но я не теряла надежды, что мы поднимем памятник Андрею.

В результате Лариса сама сделала эскиз памятника: гора — словно Голгофа, в ней высечены семь ступеней, символизирующих завершенность и соответствующие числу фильмов, созданных Андреем. Памятник обошелся в 100 тысяч долларов. Лариса оплатила стоимость места захоронения на 200 лет вперед, не ведая о том, что всего через десять лет и она будет лежать рядом с супругом...

«У меня ностальгия по людям»

— Италия приняла нас как никто — с распристертными объятиями и открытой душой, — с благодарностью говорила Лариса.

Андрей любил Флоренцию, но называл ее «холодным городом, где заморозжена даже сама эпоха Возрождения».

На Рождество 1985 года флорентийская мэрия решила в своей щедрости переключиться на французских парижан и главное — заполнить Тарковского к себе и присвоила автору «Андрея Рублева» звание почетного гражданина города. Чтобы не быть голословной, коммуна города выделила для Тарковского достойное жилье — шестикомнатную квартиру.

Улицы Святого Николая, 91. Четвертый этаж. Медленно ползет лифт с тяжелыми решетками дверей. Небольшой темный переход. Навстречу высочилась молодая овчарка. Пес Тима — тоже Тарковский — умел как-то особенно ласково оглядывать и облизывать гостей.

— Прошло уже много времени после ухода Андрея, — говорила мне в апреле 1992 года Лариса. — Вдова — профессия сложная и многообязывающая. Но, поверьте, каждую ночь Андрей приходит ко мне, гладит мне волосы, целует. Мистика? Ничего подобного. Он пропитал своей энергией весь дом.

Мы прожили вместе 25 лет. Я помню все. День за днем...

Каким он остается в моей памяти? Величественным. Он был всегда элегантен, красив как Бог. Когда мы познакомились, я сразу с первого взгляда поняла: «Это — моя судьба!» Мне было 24 года, а он был неотразим в своих белых джинсах. Он умел с каким-то шиком носить вещи. Бывал даже немного эксцентричным и пижонистым, но, возможно, это меня и покорило. Сначала я стала его ассистенткой. В первый раз Тарковский вывел меня на кинофестиваль в Локарно. Он сказал тогда: «Ларочка, будьте критичнее к окружающим. Перед вами ложный мир с очень горькой рассадой. Здесь не все так просто и шикарно, как выглядит вокруг. Тем более если в вашем кармане считанные гроши, а без денег вы ноль». Но вокруг я видела другой мир, мир с другими запахами, другими людьми, другими улыбками, другие одежде. И главное, что меня поразило, — это дети. Нет, дети были такими же, как у нас, только без комплексов. Они тоже играли, шутили, смеялись, но это был свободный смех.

Андрей очень любил детей. Как он рассказывал о рождении нашего малыша... Я была тогда сильно больна. Не прекращались сердечные приступы. Они начались еще при съемках «Иванова детства». Он очень беспокоился и говорил мне: «Боже, скорее бы вы (они с Андреем до конца жизни были на «вы» — «Известия») родили! Родите хотя бы этажерку, стул или табуретку. Но живую. Я ее буду очень любить». 7 августа 1970 года разразилась сильнейшая гроза. В родильном доме в районе проспекта Мира в Москве все вдруг потемнело. Произошел словно обвал. Грянул один раскат грома, затем другой. А когда гром прекратился, раздался первый крик нашего сына! Позже Андрей-старший по-разному рассказывал эту сцену, но всегда повторял с восторгом одно и то же: «Он весил 4600 граммов!» Он украл табличку с первыми данными сына. Эта табличка стала его реликвией...

И, вообще, я не видела более доброго, простого и одновременно сложного, тонкого и загадочного человека, каким был Андрей. Его особая порядочность проявлялась в отношении и к своим, и к чужим детям. В отношении к Богу, Космосу, к особым знаменаниям. Он верил в них. Андрей был заряжен огромной энергией, получал «подпитку» из Космоса. Если работа прекращалась, приостанавливались связи, давали перебои энергетические источники, он чувствовал себя потерянным, слабым, словно забытым. Сверху. Я часто говорю об особых порывах Тарковского — он как бы исповедовался: «Господи! Спасио Тебя! Надо было смертельно заболеть, чтобы все переосмыслить и пересмотреть. И Господь мне во всем помогает. На смертном одре заявляю: «Я не сделал ничего плодого, нечестного. Я обращаюсь к миру: «Люди, окстись! Вы так часто были несправедливы ко мне! Если Бог дал мне действительно талант, то я должен отдать его весь, весь до зернышка людям. Отдать его миру. Никто не имеет права посягать на честь и достоинство, мозг и душу человека. А у нас многое преломляется и искажается в кривом зеркале жизни».

А еще он любил улыбку, смех, веселый и добрый. ...Когда я прихожу в церковь и ставлю свечи, то верю, что Андрей живет. Живет благородно, прощая всех.

Я всегда задаю себе вопрос — вопрос слабого человека: почему, когда он тяжело болел, ни никто из России не помог? Ни делом, ни словом, ни даже строчкой письма, телеграммой? Впрочем, чему удивляться? Разве мы забыли, как в Москве у нас иногда по неделе было рубля на хлеб, молоко, картошку и пятачка на метро?

У нас были близкие друзья, которые знали о нас буквально все. Но они не могли помочь мне пережить смерть Андрея — они были далеко...

В советской печати тогда с таким ожесточением писали о фильме Тарковского «Ностальгия»: это творческий кризис режиссера, это его конец! Зато таких слов мы не слышали от Славы Ростроповича, Василия Аксенова, Жоры Владимова, Марины Влади, Феллини, Гуэрры. Все вдруг перевернулось после 29 декабря 1986 года.

Как прав был Андрей, когда говорил: «Я видел критиков разных — и умных, и не совсем, злых и добрых, но понимающих меня я не встречал. Увы! Любое произведение мы пропускали через себя, но не всегда были способны выразить то, что хотел сказать автор. А критик? Он умеет все и всегда. Господи! Какими же нужно быть идиотами, чтобы не понять, сколько во мне внутренних сил и сколько я могу создать? Я мог бы

каждый год снимать хотя бы один полнометражный фильм! Я так мечтаю о работе! Работе! Но кто мне ее даст? И изменится ли у нас в России что-либо с десятилетиями? В XX веке уж вряд ли!»

Андрей говорил: «У меня вообще ностальгия по людям. Но не по городам, даже не по Москве с ее начальниками. Никакого сожаления. Города когда-нибудь перестроятся, а с людьми явно труднее. Я же? Никогда...»

— Кто из друзей не предал?

— Из друзей-кинематографистов выделяю Сергея Параджанова. Мы познакомились с ним после того, как Сергея выпустили из тюрьмы. Я запомнила его слова: «Встречаются люди, у которых есть все, но они очень бедны. Вы, Тарковский, нищий, но поверьте: вы один из самых богатых на планете, и оставайтесь вечными самими собой. Бог даст!»

...До последнего часа Андрей не терял сознания и тем более — самообладания, рассудка. Он острел, пытался подбодрить, поддерживать меня морально и физически. Например, говорил: «Какая большая палата в этой больнице. Скажите, нельзя ли что-либо организовать, чтобы я снял пару сцен, а может быть, целый фильм? Готов даже мультипликационный. Вам, Ларочка, роль Белоснежки. Я давно Гном-Ворчун...»

...До смерти оставалось всего шесть дней.

«Как бы я был счастлив, если бы мне позвонили по телефону из Москвы! А может быть, там отключили все телефоны? И такое у нас возможно». «Ну что вы? Там все в порядке. В кинотеатрах повсюду пошли ваши фильмы», — пытаясь его подбодрить, сказала Лариса. «Видимо, очень плохи мои дела! Наверное, там прослышали, что умираю... Но и фильмы мои тоже весьма средней веселости... И мне теперь не до смеха. Но я верю в жизнь оставшуюся и оставленную...»

Слово Тонино Гуэрры

В Италии о Тарковском слагались легенды и байки. Софи Лорен и Карло Понти в доме у Андрея поразило огромное количество банок, склянок, кастрюль и тазиков, расставленных на полу и на столе. Повсюду была вода. «Он собирает святую воду», — утверждала суеверная Софи. Ей было невдомек: в доме у Тарковского в дождь протекала крыша, и тазики были единственным спасением...

Феллини обнаружил другое «чуждество» Андрея. Режиссер вел записи в блокнотах, которые всегда путал. Блокноты были великое множество, во всех карманах и сумках. «Заведите магнитофон», — посоветовал Федерико. «А если потеряю?» — возразил Андрей. — Блокноты — и то жалко. А если посчитать, сколько блокнотов можно купить вместо одного магнитофона? Слышишь?» «Чудак», — ответил советчик Феллини. «Антиисовещник», — тут же пошутил Андрей.

Марчелло Мастроньяни (или попросту Масто) считал Андрея «эксцентричным человеком». Тарковский обычно рассаживал гостей на полу. «Очень оригинально, просто и удобно. Почти как в Японии или вообще на Востоке, где родились Тарковский и многие другие знаменитые русские...» — отметил наблюдательный Марчелло, не поняв, что у Тарковских просто не было стульев...

Тонино Гуэрра, соавтор Тарковского по «Ностальгии», этого «странного» русского понимал. Более того — чувствовал свою ответственность перед ним. Двери дома Гуэрры всегда были распахнуты для друга. В 1981 году они долго путешествовали вместе по Италии — тогда-то и родилась идея фильма «Ностальгия».

«Мосфильм», ноябрь 1978 года. На снимке: режиссер Андрей Тарковский, Николай Гринько, Александр Кайдановский и Анатолий Соловьев

Тонино ГУЭРРА, писатель, сценарист:

Он был свободен даже в веригах

Через несколько лет после смерти Андрея Михаил ИЛЬИНСКИЙ встретился с Тонино ГУЭРРОЙ и Равенне.

— Как бы вы определили вклад Тарковского в духовную жизнь наших современников? — Вклад этот огромен. Но я смотрю шире. Тарковский — житель Земли не только XX века, он сумел заглянуть в будущее и будет легко разговаривать на одном языке с обитателями XXI столетия и, возможно, далее. И язык этот будет его язык, русский, понятный не только в Москве. Впрочем, думаю, и режим в Москве будет иной, не такой жесткий, авторитарный, как это представлял Андрей.

— Согласны ли вы, что такие художники, как Тарковский, помогают людям, вы выражаете новый Бергман, «содержать в порядке свой духовный багаж»?

— Не просто согласен — я уверен в этом. Я пошел бы дальше. Как и Тарковский, я убежден, что жертвоприношение — это прежде всего нравственная позиция целых поколений. Оно необходимо. И это не только смена духовного багажа, это и сохранение памяти о нем, каким бы этот багаж ни был, что бы в себе ни заключал, это — история.

— Кто вы причисляете к таким художникам?

— Первым бы в этом ряду я поставил Феллини на Западе, а на востоке Европы — Тарковского. Хотел бы посмотреть, что будет в 2004-м, 2019-м, 2034-м. Я считаю «пятнадцатилетками», хотя и это большой отрезок времени в жизни страны и конкретного человека. Убежден, что имена признанных мастеров XX века будут бережно сохранены человечеством.

— Можно ли говорить о собственной кинематографической поэтике Тарковского?

— Насколько я знал Андрея, он об этом не думал. Но то, что такая поэтика русского религиозно-духовного содержания существует и проповедовалась Андреем, это точно. — Как удавалось Тарковскому достичь сближения реалистического и мистического? — Это сложный и длинный разговор. Проблема не только технического, визуального характера. Это, я бы сказал, процесс воссоздания для нас духовных субстанций, без которых живое существо — человек — не может существовать. И это не мистицизм...

— Тарковский говорил: «Мы живем в ошибочном мире». Что давало ему основание для подобного мнения?

— Я не считаю, что мир — это ошибка природы или Бога, но жизнь в ошибочном мире философски допустима. Мы не всегда живем в ошибочном мире, но часто выбираем не ту среду обитания, не то окружение и оказываемся в «ошибочном мире». Хотя помню слова Андрея: менять мир никогда не поздно, но от этого можно озвереть! Он имел в виду тот самый «ошибочный мир» и то, как выбрать нужный момент для изменения мира и живущих в нем людей.

— Спасение души и спасение мира. В чем, по Тарковскому, их неразрывность?

— Красота человека способна спасти и человека, и его душу, и его мир.

— Вы помогали Тарковскому. Почему? Можете быть, вы надеялись «гармонизировать» этот самый мир, способствовать будущему падению Берлинской стены?

— Я люблю русских вообще, а Тарковского — конкретно. Я за гармонию в отношениях, но и за противоборство, когда борьба идет за правду. Я на стороне правды Андрея, но до падения Берлинской стены было еще далеко.

— Можно ли быть свободным в оковах?

— Можно. Это история жизни Андрея Тарковского. Он был свободен даже в веригах.

— За 25 лет работы в кино Тарковский сделал 5 фильмов на «Мосфильме» и 2 — за границей. Можно ли считать, что фильмы, разделенные двумя десятилетиями, несут в себе единое художественное мировоззрение?

— В творчестве Андрея Тарковского это так. Он создал для себя собственную единую концепцию веры в духовную силу человека и пронес эту концепцию через все свои фильмы. Он верил в абсолютную силу искусства. Хотя многие, конечно, могут оспаривать такой абсолютизм.

— Тарковский жил очень трудно, но он оставался самим собой. Не это ли главное?

— Тарковский всегда был Тарковским. Он придерживался только одного человеческого принципа — человеческой чистоты. Он не устал быть самим собой.

Рим